Опубликовано: 11 ИЮНЯ 2020

ИСТОЧНИК: СБ БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ

Валентин Сукало – о новой системе правосудия

Справедливый суд

Судебная власть — важнейшая составная часть государства. Однако почему в Беларуси создавали абсолютно новую систему правосудия? Как за четверть века менялось судоустройство, судопроизводство страны и от каких, казалось бы, передовых идей в 1990-х пришлось отказаться? Об этом и не только мы попросили рассказать Председателя Верховного суда Валентина Сукало.

— Валентин Олегович, что это было за время, когда вы решили стать судьей, и почему выбрали эту профессию?

— Не скажу, что это мечта детства. Я из рабочей семьи, с 15 лет трудился токарем на заводе. Рос в рабочем поселке (тогда окраина Минска), в котором была непростая криминогенная обстановка... Я всегда много читал, это заметили и в армии, командиры говорили, что мне нужно получать высшее образование. И вот после подготовительных курсов для военнослужащих я поступил на юридический факультет БГУ, с отличием окончил его в 1968 году. Почему стал именно судьей, а не прокурором, следователем или оперативником? Мне казалось, что эта профессия — принятие окончательного решения наиболее значима для юриста. А постигать ее на практике начал уже на четвертом курсе, когда люди избрали меня председателем суда и судьей Мядельского района. Да, тогда судью избирали. Я ездил на собрания с населением, отвечал на вопросы про учебу, семью, молодость, про то, почему минчанин и отличник едет в сельскую местность.

Я был единственным судьей на весь район, и спросить что-то в профессиональном плане было не у кого. К тому же тогда в университетах не учили ни судебной этике, ни психологии, ни тому, как разрешать судебные конфликты, вести сам процесс в сельской местности. Так что всему этому учился сам. Со временем построили и новое здание суда, старое — маленькая деревянная изба с характерными условиями содержания под стражей, ведения процесса. В то время, кстати, и мантии не было, и требования к заседателям были попроще.

Через 4 года я был избран судьей Минского областного суда. Это серьезное повышение. Пошли более сложные уголовные дела, я специализировался на многоэпизодных процессах. Первое дело, помню, было о серии хищений из магазинов хозтоваров: 23 обвиняемых, множество пересекающихся между собой в разных вариантах эпизодов. Спустя еще 4 года мне предложили должность председателя Миноблсуда. Это было неожиданно, ведь мне исполнилось всего 32 года.

«Задача Верховного Суда — сделать так, чтобы отечественная судебная система отвечала лучшим стандартам правосудия. Пользовалась авторитетом в юридическом сообществе как нашей страны, так и за рубежом. Такой подход будет в значительной мере способствовать развитию инновационных технологий, привлечению иностранных инвестиций, повышению конкурентоспособности экономики», — подчеркнул Президент на совещании с судейским корпусом 5 апреля 2019 года.

— Валентин Олегович, вы один из тех людей, которые создавали национальную судебную систему и проводили реформы органов судебной власти. Как выстраивалась эта работа?

— До распада Советского Союза я трудился в Москве первым заместителем Председателя Верховного Суда СССР. Тот опыт применил при формировании новой национальной модели правосудия белорусского суверенного государства. Тогда перед молодой страной встал вопрос: какой будет судебная система и как ее строить? Ведь советская модель нам не подходила. Так вот, в 1992 году приняли первую концепцию судебно-правовой реформы. Она была интересной, но во многом опережала свое время и являлась трудновыполнимой. Когда в 1997-м я возглавил Верховный Суд, то увидел, что концепция, по сути, не работает. Стали анализировать. Ну, скажем, что такое создать из существующей тогда трехзвенной судебной системы новую четырехзвенную, не совпадающую с административно-территориальным делением страны? Это создание новых судебных округов, межрайонных судов, огромные кадровые решения, строительство… Или предлагавшийся концепцией суд присяжных. Каково обеспечить судебную коллегию присяжных из 7 — 9 человек, когда мы не могли обеспечить явку даже 2 народных заседателей? Люди не рвались выполнять эту функцию. Да и сам суд присяжных — не самая удачная и качественная форма правосудия. В общем, как практик, я видел, что правосудие нужно переводить на новые рельсы, при этом не останавливая его ни на день.

Тогда Глава государства очень мудро сказал: «Давайте послушаем практических работников». Созвали первый съезд судей, где и определились с будущей национальной моделью правосудия. Мы исходили из проблем. Правосудие задыхалось от перегруженности, к примеру, бесспорными делами (где-то даже мелкими), сами судебные процедуры были очень сложными, забюрократизированными и отнимали много времени, было много бумаготворчества. Требовалось снизить нагрузку, в то время на одного судью приходилось более 100 дел в месяц, сейчас 65 — 70. Требовала упрощения и сама процедура судопроизводства, во многом отстававшая от времени. Предлагалось также создать заочное судопроизводство, приказное, передать ряд вопросов под юрисдикцию других органов. Еще следовало решить, как развивать апелляцию и каким будет правосудие, профессиональным и единоличным или коллегиальным и с участием заседателей. Вопросов было много.

> ***В.Сукало:*** *«Вершить правосудие должны самые сильные юристы, которые к тому же должны быть публичными, уметь быстро принимать взвешенное решение, разрешать конфликты. Еще требование — безупречность с точки зрения морального поведения, нравственности, соблюдение закона всегда и везде».*

— Какие бы вы выделили основные этапы построения белорусской модели правосудия?

— Первым я бы назвал период принятия в 2002 году новой концепции и ряда соответствующих нормативных актов. Именно тогда судебная система получила новый глоток воздуха. Отсюда и оперативность, и совсем другое качество правосудия. Второй этап — реализация принятого в 2010-м Послания Президента о дальнейшей перспективе развития судов общей юрисдикции. Третий — объединение в конце 2013-го общих и экономических судов в одну централизованную судебную систему, передача функций судебного администрирования и обеспечения от Министерства юстиции судебным органам. Это очень важно: судебная власть ушла от двойного подчинения, стала полностью независимой. Появился свой бюджет, которым мы могли рационально распоряжаться. В год стали строить 5 — 6 зданий судов, капитально ремонтировать 18 — 20. Я уже не говорю о недавнем строительстве здания Верховного Суда, которое как бы подчеркивает нынешнее положение всей судебной системы.

В отличие от многих стран постсоветского пространства мы были очень неторопливы, взвешенны и осторожны в проведении судебных преобразований, потому что понимали: ошибиться опасно. И как показала жизнь, мы оказались достаточно рациональны, эффективны в своих реформах. При этом наш опыт интересен другим странам. Может быть, мы скромны и не очень это афишировали, без лишнего шума делали то, что требовалось. Кстати, по последнему мировому рейтингу верховенства права белорусская система правосудия занимает лидирующее положение на постсоветском пространстве. Однако всегда необходимо двигаться дальше.

— Как раз об этом, если не ошибаюсь, шла речь год назад на совещании Главы государства с судейским корпусом?

— Да, и по итогам встречи была сформирована национальная программа совершенствования системы правосудия на ближайшее пятилетие. К примеру, мы перешли на апелляционное судопроизводство в уголовном и гражданском правосудии, экономическом, по сути, просто преобразовав действующие областные суды в апелляционные и не получив ни одной дополнительной единицы. Такого не было нигде на постсоветском пространстве. В своих реформах мы выбрали путь разумной процессуальной экономии.

— **Можно ли говорить, что и судебные ошибки в стране сведены к минимуму?**

— Верно. К примеру, сегодня не так много обжалуется судебных решений. Из ежегодно рассматриваемых в стране около 700 тысяч дел различной категории в вышестоящую инстанцию подается жалоба всего на около 20 процентов решений. Мне кажется, это говорит и о доверии к суду. Есть соцопросы, прямые телефонные линии, мы анализируем все поступившие к нам обращения, обжалование вердиктов, цифры обращаемости в судебные учреждения, конкретные дела. Стараемся от судей всех уровней добиться понимания того, что доверие начинается внизу, даже с того, как встретят человека, выслушают, разъяснят и так далее.

Мы ориентируем судей на то, чтобы правосудие было более понятным людям, нужно искать такие решения, которые общество воспримет как справедливые, разумные, взвешенные. Судьи — исполнители законов и обязаны работать в пределах установленных санкций. Сейчас мы все делаем для того, чтобы свести к минимуму количество людей в местах лишения свободы.

Лишение свободы в структуре уголовного наказания составляет у взрослых осужденных 22 процента, а у несовершеннолетних только 10 процентов.

Мы должны адаптировать практику назначения наказаний, законодательство к реальным возможностям и к тому, что происходит в обществе. Если в Беларуси в последние 10 лет отмечается улучшение криминогенной ситуации и уровень преступности снижается, то можно плавно смягчать санкции. Вот часто говорят якобы об огромном количестве несовершеннолетних в колониях, на самом же деле их 140 человек. Согласно международным нормам, это нормальная ситуация. Так что белорусский суд далеко не самый суровый. В то же время, мы должны учитывать общую криминогенную картину и признать, что в стране высокий уровень рецидивной преступности — более 30 процентов. Это учитывается при назначении наказания тем, кто уже был судим.

— **Видеопротоколы, единая база судебных решений и другие новшества оказались не такой уж и далекой перспективой. Какие задачи еще не решены?**

— Как раз об этом много говорилось на открытии Президентом нового здания Верховного Суда. Кстати, само здание с его уникальными техническими возможностями подтолкнуло нас к тому, что такими современными должны быть все суды. Мы уже используем новейшие технологии, к примеру, для извещения сторон, допрашиваем по видеосвязи свидетелей и обвиняемых. Сейчас работаем над тем, чтобы аналогичным образом заслушивать людей в следственных изоляторах в апелляционном судопроизводстве. Также создаем электронный банк данных и автоматизированную информационную систему судов, которая позволит из Верховного Суда отслеживать абсолютно любое дело, рассматриваемое любым судом. Это уникальная возможность, однако обновленная система и от судов требует нового уровня подготовленности.

— **Какова ситуация с судейскими кадрами?**

— Качественный состав судейского корпуса — одна из главных задач, которую нам приходится решать. Предполагается и так сложилось исторически, что судья — это лучший юрист в своем регионе, поскольку именно он выносит окончательный вердикт. Он завершает работу следователя, прокурора, адвоката. Так считают во всех странах. Получается, что вершить правосудие должны самые сильные юристы, которые к тому же должны быть публичными персонами, уметь быстро принимать взвешенное решение, разрешать конфликты. Еще требование — безупречность с точки зрения морального поведения, нравственности, соблюдение закона всегда и везде. Увы, далеко не все юристы отвечают этим требованиям. В последнее время было широко развито коммерческое юридическое образование, где при этом не имелось серьезного отбора. Часто оно просто превращалось в платную услугу без должного качества результата. Приглашать на работу таких людей мы не могли по объективным причинам.

К тому же в судьи ведь особо не рвутся, не все готовы брать на себя ответственность, соблюдать ограничения. С каждым годом все труднее подбирать специалистов, поэтому мы разработали ряд рекомендаций по улучшению качества образования, приняли меры по повышению качества отбора кандидатов в судьи плюс обязательное для них прохождение психологического тестирования. Люди ведь хотят видеть в судье не просто юриста, а человека с хорошей базовой подготовкой, со знанием современных технологий, с широким кругозором, панорамным мышлением, интеллектуала. Таких людей мы ищем. Вместе с тем стараемся поднять престиж профессии, сделать ее более привлекательной.

— **Отдельная тема — наркопреступность. Какой, на ваш взгляд, должна быть идеальная антинаркотическая кампания в стране?**

— Сегодня, говоря о преступлениях, связанных с наркотиками, родственники обвиняемых и СМИ часто упрощают ситуацию: мол, ну что тут такого, давайте как-то смягчать ответственность. Но они недооценивают опасность, речь ведь идет не только о конкретных судьбах, но и о генофонде нации. Наркопреступность подрывает основу молодого поколения в каждой стране. Не случайно же в ряде стран за эти преступления предусмотрено самое суровое наказание — смертная казнь. Да и сама наркопреступность хорошо организована, в нее вовлечены многие люди. С ней довольно сложно бороться. Так вот, неотложные меры по противодействию незаконному обороту наркотиков остановили вал таких преступлений, с участием несовершеннолетних — в пять раз. И сейчас законодательство приведено в соответствие с общей криминогенной ситуацией в этой части. Оно позволяет достаточно эффективно находить разумное, взвешенное и справедливое наказание. В последнее время вообще отмечается гуманизация уголовного законодательства. В связи с этим происходят изменения и в судебной практике.

— **Интересно ваше мнение: в стране так много сделано для борьбы с коррупцией, что еще нужно предпринять? Удалось ли снизить коррупционные риски в самой судебной системе?**

— Если взять, к примеру, получение взятки госслужащими, то таких преступлений за последние три года стало почти вдвое больше. И здесь есть опасные тенденции, которые до конца не учитываются. Мои коллеги часто связывают этот рост с активизацией работы по выявлению таких случаев.

Может, и так, однако я вижу и недостаточность профилактики, невозможность установить причины негативного явления и найти тот комплекс мер, который остановит рост таких преступлений, саму идею коррумпированности, в первую очередь чиновников. Мне кажется, что необходимо проводить криминологические исследования, чаще обобщать практику — судебную, следственную, прокурорскую. Возможно, дело в психологии… То есть проблему нужно исследовать, и тут юридическая наука в долгу перед нами. Недорабатываем и в информационном плане. Эта проблематика должна освещаться квалифицированно, а часто в СМИ и соцсетях тема звучит не осуждающе, а снисходительно и с жалостью. Но ведь человек понимал, что совершает уголовно наказуемое деяние.

Что касается коррупции в судейском корпусе. Судьи — это часть нашего общества, люди, которые работают в условиях особенного коррупционного риска. В день суды выносят 4 с половиной тысячи решений. За каждым стоят граждане и некоторые из них пытаются влиять на судью. За последние 5 лет у нас осуждены 4 человека. Это единичные случаи, но они есть. Да, у нас много способов контроля и они, поверьте, жесткие, но, к сожалению, полностью избежать инцидентов не удается. Мы все делаем для того, чтобы минимизировать их.

— **Валентин Олегович, что будет определять завтра белорусского правосудия?**

— Если абстрагироваться от правовых терминов, я бы назвал правосудие завтрашнего дня понятным обществу, умным, исполнимым, современным с точки зрения технологических возможностей. Это правосудие с человеческим лицом. Менее конфликтное, примирительное, связанное с медиацией, третейскими возможностями. Правосудие, которое не ассоциировалось бы с какими-то карательными функциями, а, наоборот, суды воспринимались бы людьми как место, где защитят их права, рассудят по закону и справедливости.

В прошлом году Александр Лукашенко принял участие в открытии нового здания Верховного Суда и совещании по совершенствованию деятельности системы судов общей юрисдикции. Тогда Президент акцентировал внимание на том, что главным в работе судов должно быть справедливое отношение к людям. При этом в принятии решений суды должны быть независимы от других структур и ветвей власти.

«Граждане должны быть уверены, что в суде найдут защиту своих прав и законных интересов. Это значит, их проблему услышат, вникнут в жизненную ситуацию, примут аргументированное и взвешенное решение. И очень важно, чтобы человеку было понятно, почему суд вынес именно такое решение», — сказал Президент. Он подчеркнул, что судьям нужно быть свободными при принятии решений, не оглядываться на прокуроров, следователей и местную власть, а руководствоваться только законом.

gladkaya@sb.by
Полная перепечатка текста и фотографий запрещена. Частичное цитирование разрешено при наличии гиперссылки.

Заметили ошибку? Пожалуйста, выделите её и нажмите Ctrl+Enter

Людмила ГЛАДКАЯ Фото: Виталий ПИВОВАРЧИК
Написать автору

sparrow.

Взялся следственный комитет: что натворила Блиновская
RG.RU

Собака спасла мужчину, который пять дней бродил по лесу
URA.NEWS

Страшная болезнь пришла в Россию! Держитесь
ZAKON.KZ

Более 500 человек обратились за медпомощью. Новая пандемия?
MOGILEVNEWS.BY

Строители за
сделать в до
SUTYNEWS.RU